

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ СТРУКТУР ОДКБ И ШОС В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ

Статья посвящена проблемам обеспечения региональной безопасности среднеазиатских государств в рамках структур Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Только коалиционные усилия всех заинтересованных государств могут обеспечить эффективное противостояние трансграничному терроризму, вооруженному исламскому экстремизму и криминальной наркоиндустрии в регионе. В статье рассмотрены основные организационные структуры экстремизма и международного терроризма, действующие в регионе. Уделено внимание формам сотрудничества и организационным мерам, предпринимаемым для предотвращения угроз и рисков.

I. A. SELEZNEV

THE INSTITUTIONAL ROLE OF THE CSTO'S AND SCO'S STRUCTURES IN PROVIDING THE REGIONAL SECURITY OF THE STATES OF THE CENTRAL ASIA

The article is devoted to problems of building of the territorial defense in the Post-Soviet Central Asian States within the structures of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) and the Collective Security Treaty Organization (CSTO). Only coalitional efforts of all interested States can provide effectiveness resistance to the institutionalized transborder terrorism and armed Islamic extremism in the region. The article describes the main organizational structures of extremism and international terrorism operating in the region. There are the cooperation forms and the organizational measures taken to prevent threats and risks.

СЕЛЕЗНЕВ

Игорь Александрович,

кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник центра методологии исследования социально-политических процессов евразийской интеграции Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН, Москва)

Введение

Ранее автором уже было рассмотрено значение институциональных структур, таких как ЕАЭС, ШОС, БРИКС, для процесса евразийской интеграции [1, 2]. В данной статье речь пойдет о функциональных ролях интеграционных структур региональной безопасности – ОДКБ и ШОС – применительно к обеспечению обороноспособности государств Средней Азии. Следует напомнить, что Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан – члены ОДКБ. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан – члены ШОС. Туркменистан остается нейтральным, не присоединившимся к блокам государств.

Основная часть

Методологически данная работа исходит из положений институционализма, сформулированных Т. Вебленом. Социальный институт понимается как совокупность общественных обычаев, норм, устоявшихся привычек поведения; образ мысли и образ жизни, передаваемый из поколения в поколение. Возникает социальный институт из необходимости удовлетворения социальных потребностей общества, который на пути своего развития претерпевает несколько стадий эволюции [3]. Динамика социальных институтов включает взаимосвязь следующих процессов: жизненный цикл института от момента его зарождения до исчезновения/трансформации; функционирование зрелого института, выполнение всех его социально значимых функций, появление и преодоление дис-

функций; эволюция института, изменение вида, свойств, формы и содержания на историческом отрезке времени, возникновение новых и отмирание старых функций и дисфункций, как явных, так и латентных. Преобладание латентных функций над явными свидетельствует о кризисе и дезорганизации социального института. Межстрановая интеграция в данном случае будет рассматриваться в качестве социального института, отвечающего коллективным потребностям государств в современную эпоху и находящего различные организационные формы воплощения. В частности, отвечающего потребности евразийских государств постсоветского пространства проводить независимую политику и поддерживать собственную безопасность, что предполагает расширение связей в рамках таких структур, как ОДКБ и ШОС.

Основными угрозами региональной безопасности в Средней Азии остаются: деятельность экстремистских организаций, направленная на дестабилизацию внутренней обстановки в странах региона; создание и деятельность незаконных вооруженных формирований; распространение и транспортировка наркотиков, рост влияния наркомафии; незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и т. п.; социально-политическая нестабильность в странах региона; наличие вблизи границ очагов военных конфликтов; распространение влияния международных террористических организаций, усиление позиций религиозного экстремизма. Ответы на эти вызовы ищут как через национальные силовые структу-

ры, так и через функционально отвечающую за коллективную безопасность и координацию оборонной политики Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В 2009 г. была усилена военная компонента ОДКБ, созданы коллективные силы оперативного реагирования (КСОР).

Очередной саммит ОДКБ прошел 14 октября 2016 г. в Ереване. Одной из главных задач встречи стало обсуждение аспектов коллективной безопасности до 2025 г. В частности, был определен перечень угроз, стоящих перед странами – участниками ОДКБ: вербовка в ряды террористических организаций, международный терроризм, разжигание межрелигиозной и межэтнической розни, наличие неурегулированных территориальных споров с соседними государствами, неконституционное изменение государственного строя. Для решения этих задач лидеры государств договорились совершенствовать обороноспособность стран ОДКБ, расширять военно-техническое сотрудничество, активизировать кооперацию в борьбе с терроризмом, улучшать взаимодействие по охране границ. Лидеры стран также приняли решение о создании единого списка организаций, признанных террористическими в странах ОДКБ. Существенным практическим итогом встречи стало создание Центра кризисного реагирования ОДКБ, который будет взаимодействовать с национальными силовыми структурами стран Организации [4].

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) не является военно-политическим блоком, но исходя из ее уставных целей и задач «совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе» периодически выходит на повестку дня [5]. В рамках ШОС учрежден координирующий орган по проблемам региональной безопасности – действующая на постоянной основе Региональная антитеррористическая структура ШОС (РАТС) в Ташкенте. Тем не менее, говоря о функциональных сторонах ШОС, можно отметить наличие дублирующих органов. В частности, ее функции во многом дублируют деятельность Антитеррористического центра ОДКБ в Бишкеке. Возможно, с расширением ШОС за счет принятия новых членов деятельность РАТС обретет самостоятельное значение.

В первую очередь угроза экстремизма и терроризма в республиках Центральной Азии связана с религиозным фактором, распространением мусульманского радикализма (или как его еще называют политическим исламом, исламизмом, джихадизмом). Радикальный исламизм, находящийся в подполье, готов подняться в случае любой политической дестабилизации и активно использует социальные проблемы для дискредитации светских правящих режимов. Для этого в странах Средней Азии существуют все необходимые социально-экономические условия (бедность, коррупция, имущественное неравенство, безработица и т. п.). Тем более что уже сейчас исламские организации в Средней Азии опираются на доступную для широких масс идеологию и пользуются международной финансовой и, возможно, военной поддержкой.

Наиболее мощным вооруженным экстремистским формированием, которое продолжает действовать в регионе, остается «Исламское движение Туркестана» (ИДТ, в 1996–2001 гг. было известно как «Исламское движе-

ние Узбекистана» (ИДУ) – *запрещенная в России террористическая организация*). Оно ставит своей целью вооруженную борьбу с властями республик Средней Азии за свержение светской власти и установление халифата и шариатского правления. Деятельность ИДУ/ИДТ связана практически со всей террористической активностью и вооруженными мятежами в регионе.

Отношения внутри ИДТ не лишены внутренних противоречий, связанных с амбициями главарей вооруженных групп и полевых командиров. Так, в свое время в рядах ИДТ произошел внутренний раскол и выделилась террористическая группа Союз Исламского Джихада (СИД) (или Иттихад Исламского Джихада (ИИД)), провозгласившая себя отделением Аль-Каиды (*запрещенная в России террористическая организация*). В значительной мере это связано с поиском террористами источников финансирования и поступления новых рекрутов из числа радикальных исламистов. Ведь сочувствующие круги «нефтяных монархий Залива» подпитывали деньгами Талибан и Аль-Каиду и сами эти названия были привлекательны для сторонников джихадизма. Но с началом войны в Сирии ситуация изменилась – новым привлекательным лозунгом стал «Халифат», «Исламское государство» (*запрещенная в России террористическая организация*). Именно ИГ получает поддержку от сочувствующих «нефтяных шейхов» (и не только от них), именно в ИГ (а не в Талибан, как раньше) на джихад устремились экстремисты.

Не удивительно, что в погоне за дополнительным финансированием новый лидер ИДТ Усман Гази заявил о присоединении своей организации к ИГ.

Скорее всего, «победное шествие» «Халифата» может осуществляться путем присяги местных исламских террористов ИГ. Так, еще в марте 2015 г. в интернете появилось видео, на котором представители ИДТ присягают Хафизу Саиду Хану, представителю «Халифата» в провозглашенном «вилайте Хурасан» (Афганистан и Пакистан). В этом отношении ИГ представляет в перспективе серьезную угрозу для постсоветских государств Средней Азии. В рядах ИГ воюет большое количество выходцев из этих стран. Очень показательной стала история с изменой командира ОМОН МВД Таджикистана подполковника Гулмурода Халимова, который в 2015 г. неожиданно перешел на сторону ИГИЛ, а с сентября 2016 г. стал министром войны, военным руководителем ИГИЛ, сменив убитого Тархана Батирашвили, выходца из Грузии (также известного под псевдонимом Абу Умар аш-Шишани).

Отдельную проблему представляет рост влияния наркомафии, в частности, угроза симбиоза криминалитета, занятого транспортировкой наркотиков, с террористическими группами. За последние годы практически во всех странах региона наблюдается рост числа наркозависимых, что связывается экспертами с нерешенностью проблемы наркотиков из Афганистана. Социально опасной проблемой становится формирование «наркоидеологии джихада», идеологическое обоснование наркоторговли, которая стала рассматриваться как один из действенных инструментов борьбы с Западом и их союзниками. Можно найти и примеры финансирования террористической деятельности из средств, полученных на продаже героина.

Итак, процесс распространения мусульманского экстремизма в регионе, подстегиваемый социально-экономической ситуацией, остается достаточно насущной угрозой. В зоне опасности находятся и Узбекистан, и Таджикистан, и Кыргызстан, и Туркменистан, и Казахстан.

В Узбекистане, где и при И. Каримове и после избрания президентом республики Ш. Мирзиёева от явного всплеска исламизма общество удерживают лишь силовые структуры, в случае ослабления центральной власти сценарий стремительной и массовой радикализации молодежи более чем возможен. Узбекистан, демонстрируя «многовекторность» во внешней политике, будучи одной из стран основателей ОДКБ, то включался в деятельность этого союза, то покидал его (последний раз Узбекистан заявил о приостановке участия в ОДКБ в 2012 г.) Тем не менее сохраняется сотрудничество с силовыми структурами Узбекистана в рамках ПАТС ШОС на межгосударственном ведомственном уровне.

Кыргызстан находится в зоне риска из-за южной части страны, которая традиционно наиболее исламизирована и в недостаточной степени развита. Там активно действуют вербовщики экстремистских организаций. На территории страны размещена объединенная российская военная база, выступающая в роли сдерживающего фактора: авиационная база КСОР ОДКБ в г. Кант, испытательная военно-морская база в г. Каракол, узел связи в поселке Чалдовар и автономный сейсмический пункт в г. Майлуу-Суу. При этом, по заявлению уже бывшего президента страны А. Атамбаева, хотя Россия останется стратегическим партнером, но в военном плане республика должна опираться на свои собственные силы и после окончания срока действия договора российская база «должна будет уйти» с территории Кыргызстана [6].

Это заявление, сделанное 1 декабря 2016 г., вызвало резонанс среди специалистов. Так, в 2014 г. под предлогом истечения срока договора ранее страна свернула американскую базу в аэропорту «Манас», которая использовалась как транспортный узел для переброски войск и техники США в Афганистан. При этом под гарантии вывода американской базы Кыргызстаном были получены от России внушительные средства, а также был списан долг в размере 189 млн долларов. Однако, по замечанию экспертов, вывод российских военных с территории страны чреват серьезным ухудшением обстановки. И если теперь уже экс-президент Атамбаев сделал это заявление не ради того, чтобы выпросить у Москвы новые инвестиции, то о будущем Кыргызстана стоит беспокоиться. Ведь тогда под угрозу будет поставлено сотрудничество с Россией, несмотря на все заверения руководства о сохранении партнерства, а также с ОДКБ, поскольку база существует на основе соглашений именно в рамках этой структуры, а это – угроза не только отдельно взятой стране, но и всему региону [7].

Тем не менее стоит отметить и плодотворный опыт взаимодействия спецслужб в борьбе с экстремизмом. Эксперты ранее предупреждали об опасности распространения исламизма среди трудовых мигрантов из Средней Азии, определенный сегмент которых является социальной базой и источником финансирования радикальных исламистских организаций [8]. После теракта в

метро Санкт-Петербурга проблема была озвучена и на официальном уровне: директор ФСБ России А. Бортников признал, что основной костяк террористических групп составляют граждане СНГ, прибывшие в Россию в потоках трудовой миграции, и призвал принять меры по повышению ответственности должностных лиц, контролирующих соблюдение миграционного законодательства и бизнес-структур, использующих труд мигрантов [9].

Ранее появлялись сообщения о разоблачении и задержании осенью 2016 г. сотрудниками ФСБ и МВД России группы экстремистов, выходцев из стран Средней Азии, готовивших теракты в Москве и Петербурге. Операция проходила при активном участии спецслужб Кыргызстана и Узбекистана [10]. Так складывается практика координации сотрудничества правоохранительных органов в рамках соответствующих органов ОДКБ и ШОС.

Что касается Таджикистана, то там ситуация, схожая по неустойчивости с Кыргызстаном. В Таджикистане риск дестабилизации связан с внутренними политическими противоречиями. Тем более что на Таджикистан больше всего влияет фактор Афганистана. Афганистан, длительное время принимая экстремистов из постсоветских стран, превратился в базу для основных террористических организаций в Центральной Азии. Как свидетельствуют последние события в Горно-Бадахшанской области, произошла радикализация местной оппозиции, которая готова к открытому вооруженному противостоянию режиму [11]. Вместе с тем можно отметить, что в противостоянии террористической угрозе Таджикистан надеется на помощь союзников по ОДКБ и ШОС. В частности, в обеспечении обороноспособности Республики Таджикистан трудно недооценить роль российской 201-й военной базы. Однако и в определении ее статуса возникали сложности. Так, в июле 2012 г. Россия обвинила таджикские власти в выдвигании неприемлемых условий продления аренды базы и приостановила ее финансирование. Тем не менее по результатам переговоров между Россией и Таджикистаном срок пребывания базы продлен до 2042 г. Помимо того, в Таджикистане размещен еще один российский военный объект – находящийся близ г. Нурек оптико-электронный комплекс «Окно» – системы контроля космического пространства, подчиненный ВКС России и не входящий в состав военной базы.

Что касается нейтрального Туркменистана, до сих пор не участвующего ни в какой из региональных международных организаций, было бы перспективным вовлечение его в орбиту ШОС как с точки зрения определенных деловых кругов России, связанных с нефтегазовым комплексом, так и КНР. Тут интерес Китая связан в значительной степени с серьезными капиталовложениями в разработку газового месторождения в Южном Иолотане (Галкыныш) и соответственно необходимостью сохранения стабильности в республике. Ведь Туркменистан обладает довольно слабыми силовыми структурами, а значит, может стать потенциальной жертвой исламских экстремистов. Для этого властями были созданы все подходящие условия. В течение многих лет в Туркменистане снижался уровень жизни большей части населения, включая молодежь. При этом и силовые структуры республики не подвергались реформированию и укреплению. Армия

страны откровенно слаба и со времен С. Ниязова (Туркменбаши) на протяжении двух с половиной десятилетий независимости республики используется в основном как дешевая рабочая сила в строительстве. По мнению экспертов, атаковать Туркменистан могут вооруженные отряды из Северного Афганистана, имеющие огромный опыт противоборства с властями. Это, в частности, представители туркменской элиты, которые были вытеснены советской властью в 1920–1930-х гг. в ходе борьбы с басмачеством. Тем не менее стоит отметить, что осознание угрозы дает о себе знать, и руководство республики наращивает сотрудничество с Россией в военной сфере [12].

Говоря об угрозах безопасности Казахстана, сразу отметим, что из всех республик Средней Азии Казахстан обладает наиболее стабильной политико-социальной системой и при этом достаточно сильной армией и спецслужбами, чтобы противостоять экстремизму. Но и там происходит рост влияния джихадизма. Следует также учитывать, что помимо деятельности салафитского подполья новой тенденцией в формировании экстремистских и террористических групп стала деятельность уйгурских сепаратистских организаций, многие из которых связаны с международным исламским экстремизмом [13].

Важной составляющей интеграционных процессов является российско-казахстанское военно-техническое сотрудничество. Между военными ведомствами России и Казахстана в рамках достигнутых соглашений проводятся совместные военные учения на территории двух государств попеременно. Казахстан активно вовлечен в работу ОДКБ, в частности в учениях КСОР [14].

По линии ШОС Казахстан активно участвует в укреплении антитеррористического потенциала организации, в том числе посредством участия в совместных контртеррористических учениях. Участие Казахстана в структурах ОДКБ и ШОС с упоминанием «создания единого оборонного пространства», «обеспечения коллективной военной безопасности» «углубление стратегического партнерства на основе общих военно-политических интересов» нашло отражение в Военной доктрине республики [15].

Тем не менее, несмотря на плодотворное сотрудничество, по мнению ряда экспертов, Россия и Казахстан вы-

ступают не как партнеры, а как конкуренты. Как отмечается, количество предложений по интеграции подменяет само качество сотрудничества между нашими странами [16]. Конкуренцию порождает продолжающееся сотрудничество Министерства обороны Республики Казахстан со странами НАТО. В рамках программы «Партнерство во имя мира» США участвовали в переоснащении Вооруженных сил Казахстана, поставках техники, подготовке военных кадров. Несколько поколений курсантов из Казахстана получали подготовку в различных вузах стран НАТО, но если курсант изучал американский зенитный ракетный комплекс «Пэтриот», то как он сможет использовать технику ПВО российского производства, стоящую на вооружении в его воинской части? В 2008 г. США даже предложили Казахстану в рамках проекта «Каспийский страж» разместить в казахстанской части акватории Каспийского моря радиолокационную станцию, которая бы стала элементом американской системы ПРО [14]. Это не удивительно, поскольку Военная доктрина Казахстана упоминает наряду с сотрудничеством в рамках ОДКБ и ШОС «расширение сотрудничества в военной и военно-технических областях» с США и государствами Евросоюза [15]. Тут можно согласиться с точкой зрения, что в подобной ситуации необходим переход от так называемого стратегического партнерства к реальному стратегическому союзу, в основе которого будет борьба с международным терроризмом, транснациональной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и оружия, противодействие всем формам экстремизма [16].

Заключение

Подводя итоги, мы можем отметить, что применительно к сфере интеграции стран среднеазиатского региона в оборонной области существуют те же проблемы, что и в других сферах евразийской интеграции. Процесс интеграции носит не всегда последовательный характер, несмотря на порой очевидную взаимовыгодность результатов.

Список использованных источников

1. Селезнев, И. А. Роль институциональных структур в процессе евразийской интеграции / И. А. Селезнев // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 6.
2. Евразийская интеграция: ключевые проблемы и перспективы развития. Проект «Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции». Вып. 2 / Г. В. Осипов [и др.]. – М. : ИСПИ РАН, 2017. – С. 74–84
3. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М., 1984. – С. 200–201, 217.
4. Страны ОДКБ усилят борьбу с терроризмом [Электронный ресурс] // Известия. – 2016. – 14 окт. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/638495>. – Дата доступа: 02.06.2017.
5. ШОС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/infografika/20150708/1120666045.html>. – Дата доступа: 08.07.2017.
6. Атамбаев: российская база «должна уйти» из Киргизии, когда истечет договор [Электронный ресурс] // РИА. Новости. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20161201/1482575128.html>. – Дата доступа: 04.06.2017.
7. Петрова, Е. Дружба дружбой, а базы – врозь / Е. Петрова [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://rusplt.ru/policy/drujba-drujboy-bazyi-28820.html>. – Дата доступа: 05.06.2017.
8. Диков, А. Б. Проблема исламизма в контексте миграционной политики России / А. Б. Диков // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. COUNTER-TERRORISM. – М., 2016. – № 3. – С. 19.
9. Глава ФСБ назвал трудовых мигрантов из СНГ костяком групп террористов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/11/04/2017/58ec92ea9a79477def3267f1>. – Дата доступа: 11.07.2017.

10. Задержанные ФСБ боевики готовили взрывы в торговых центрах Петербурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tvc.ru/news/show/id/104500>. – Дата доступа: 04.06.2017.
11. Гусев, Л. Ю. Борьба с экстремизмом и терроризмом в странах Центральной Азии / Л. Ю. Гусев // Современные евразийские исследования. – Саратов, 2016. – Вып. 2. – С. 64–77.
12. ИГИЛ в Средней Азии: пришествие неизбежно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://topwar.ru/67793-igil-v-sredney-azii-prishestvie-neizbezhno.html>. – Дата доступа:
13. Гусев, Л. Ю. Безопасность в странах Центральной Азии – проблемы и вызовы // Современные евразийские исследования. – Саратов, 2016. – Вып. 3. – С. 7–12.
14. Цыплин, В. Г. Современный этап военного сотрудничества России и Казахстана / В. Г. Цыплин // Современные евразийские исследования. – Саратов, 2015. – Вып. 2. – С. 78.
15. Военная доктрина Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://military-kz.ucoz.org/index/voennaja_doktrina_kazakhstan/0-47. – Дата доступа: 09.06.2017.
16. Гусев, Л. Ю. Сотрудничество России и Казахстана в области безопасности [Электронный ресурс] / Л. Ю. Гусев. – Режим доступа: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document188967.pdf>. – Дата доступа: 10.06.2017.

13.07.2017